

Ф. Мюнш

«АЛЁША»: ПАМЯТНИКИ СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

УДК 730

ББК 85.136.15

После окончания Второй мировой войны в 1945 г. по всей территории, на которую распространялось влияние Советского Союза, воздвигались статуи советских солдат как напоминание о героических подвигах Красной Армии в ходе освобождения Европы от Третьего Рейха. После распада Советского Союза новые независимые государства Центральной и Восточной Европы иначе интерпретировали историческую идею «Освобождения Европы» и добавили к своей национальной историографии историю страданий и потерь в период советской оккупации в ходе и после Второй мировой войны, оспаривая тем самым как советскую интерпретацию истории XX в., так и российскую интерпретацию прошлого.

Часто местное население называет эти памятники погибшим советским воинам «Алёша». По мнению автора, это явление объясняется популярностью советской песни 1960-х гг. Автор статьи в основном обращается к памятникам «Алёша» в Таллине, Вене и Пловдиве и анализирует их неоднозначное восприятие. В работе основной акцент сделан на политике разных национальных правительств в отношении интерпретации истории и восприятия коммунистического наследия после распада Советского Союза.

Ключевые слова: *советские военные мемориалы, Великая Отечественная война, посткоммунистическое пространство, коллективная память, идентичность*

Памятники, как правило, отражают и расцвет, и падение политического режима. Когда новый режим приходит к власти, некоторые из его первых действий бывают направлены на изменение символической географии государства путем разрушения памятников Старого Порядка, переименования улиц и городов, воздвижения собственных памятников, поскольку они являются сильным политическим оружием. Именно поэтому государства, политики и политические партии, а также иные заинтересованные группы и институты готовы затрачивать финансовый и политический капитал на их воздвижение или уничтожение. М. Хальбвакс, французский социолог первой половины XX в., назвал такие группы *entrepreneurs de*

mémoire,¹ подчеркнув тем самым их «предпринимательский», исключительно утилитарный подход к интерпретации истории и их стремление приспособить ее к своим политическим целям. М. Хальбвакс утверждал, что память — это социальное явление, заложенное в социальном контексте того или иного народа; он также описал механизмы формирования коллективной памяти в рамках семьи, группы, вероисповедания, обществ и наций.² Использование памяти чрезвычайно важно для создания и поддержания национальной и этнической идентичности в контексте межэтнических конфликтов. Узловыми моментами коллективной памяти являются *lieux de mémoire* 'места памяти' — понятие, предложенное французским историком П. Нора, применявшим его к широкому кругу символов, в первую очередь к физическому месту.³

Памятники могут служить предметом особых разногласий на территориях со смешанным этническим составом населения. Представители одной группы могут находить идеи и интерпретацию истории, отражаемые памятниками, глубоко оскорбительными или

Феликс Мюнш — соискатель степени PhD в Международном исследовательском центре по изучению культуры, преподаватель в Институте политологии Гиссенского университета (Германия, Гиссен)
E-mail: felix.muench@sowi.uni-giessen.de

* Статья основана на докладе, подготовленном к заседанию ежегодной конвенции Ассоциации по изучению национальностей (ASN) (18–20 апреля 2013 г., Колумбийский университет, кафедра государственного управления и политики, Нью-Йорк, США); а также на международной конференции «Государство. Общество. Личность: уроки прошлого, конструирование будущего» (22–28 июня 2013 г., Пермь, Российская Федерация). Перевод с английского — Т. В. Говорухиной, научный редактор русской версии — д. и. н. В. Н. Земцов

¹ Дословно «предприниматели памяти», «заказчики памяти», «создатели памяти» (фр.). (Примеч. ред.)

² См.: Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago; London, 1992.

³ Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. № 29. P. 7–25.

даже воспринимать их как знак надвигающейся угрозы. Например, известны многочисленные политические споры, связанные с памятниками историческим личностям, которые воспринимаются одной группой как выдающиеся государственные деятели, а другой — как государственные преступники-террористы, причем они могут даже способствовать консолидации идентичности группы, формируя идею виктимности. В то же время памятники могут представлять собой угрозу власти и легитимности элит других этнических групп. Эти элиты не хотят, чтобы другие группы обладали сильной идентичностью или инструментом для быстрой организации коллективных действий, поскольку такие факторы могли бы облегчить путь к усилению их политической власти и, возможно, даже к будущему отделению. Центральными понятиями при изучении памятников и связанных с ними мемориальных практик всегда были «коллективная и/или социальная память», «системы воспоминания» — термины, которые также появились в работах М. Хальбвакса.⁴

Три основные функции памятников представляются чрезвычайно важными для сегодняшней практики воспоминания в отношении советского влияния, доминирования в странах Центральной и Восточной Европы вдоль границы «железного занавеса» или даже их подавления и оккупации. Во-первых, памятники тесно связаны с национальным самосознанием и национализмом и, таким образом, играют важную роль в формировании идентичности в зоне конфликта. Во-вторых, мемориалы выступают в качестве мест для проведения памятных мероприятий (в нашем случае это особенно относится к церемониям, касающимся советских времен, а не современных независимых государств). В-третьих, и это самое важное для рассматриваемого феномена, памятники служат легитимации и распространению определенного понимания прошлого и, следовательно, настоящего. Как утверждает У. Коэн, памятники часто являются наиболее эффективным способом распространения политических идей и основанием для проведения и перекройки границ, как это происходило на всем постсоветском пространстве в Центральной и Восточной Европе. Он пишет: «Статуи представляют собой... непосредствен-

ный способ сообщения политических ценностей, и возведение их является попыткой установления гегемонии идей, воплощаемых памятником».⁵

Несмотря на то что усиливающаяся экономическая и культурная интеграция сделала границы более проницаемыми, люди и группы по-прежнему сохраняют верность символам и готовы сражаться за символические территории, поскольку они являются важнейшими аспектами их идентичности и ощущения принадлежности. Это усиливает их «воображаемую общность».⁶ Бывшие республики Советского Союза и весь постсоветский мир можно рассматривать в качестве чрезвычайно символического пространства для России и этнических русских, живущих в республиках, которые после изменения границ вследствие распада Советского Союза являются независимыми и частично интегрированы в Европейский Союз (ЕС) или даже в НАТО. Памятники служат легитимации не только власти элит, но и самого присутствия этнической группы на данной территории. Как показано в настоящей статье, памятники служат конкретным свидетельством наличия у группы исторических корней и, следовательно, законного права претендовать на то, что эта земля является их собственной.

Памятники отражают коллективную память, являются средством визуализации прошлого и всегда содержат элемент политической трактовки исторических событий. В качестве публичных воплощений истории в камне и металле они часто говорят больше о текущей политической культуре управления и социальных условиях, чем о том прошлом, которое они призваны увековечить. Дискуссии о планировании, строительстве, воздействии и о переносе памятников, мемориалов или кенотафов или о борьбе с ними могут быть истолкованы как отражение политических обстоятельств и, соответственно, частных интересов. Исторические памятники являются объектами политических инициатив в полном смысле слова, так как они служат предвзятой интерпретации и инструментализации прошлого в политических целях — для воздействия на самые широкие слои населения и для

⁴ См.: Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge, 1995; Olick J. *The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York, 2007.

⁵ Cohen W. *Symbols of Power: Statues in Nineteenth-Century Provincial France // Comparative Studies in Society and History*. 1989. № 495. P. 491–513.

⁶ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, 1991.

формирования исторического восприятия через постулированную историческую идею, predetermined интерпретационным исполнением памятника. Американский историк Д. Уинтер отмечал, что места памяти создаются не просто нациями, но, в первую очередь, более мелкими группами, преследующими свои интересы. Уинтер называл такие группы «социальными агентами памяти», и добавлял, что «без их работы коллективной памяти бы не существовало».⁷

После окончания Второй мировой войны в 1945 г. статуи советских солдат воздвигались по всей территории влияния Советского Союза и даже за ее пределами. По большей части это были памятники «Освобождения от немецкого фашизма» или павшему «Неизвестному солдату». В последующем эти памятники служили напоминанием о героических подвигах Красной Армии во время Великой Отечественной войны. Многие из них отливались серийно по одной модели, и вскоре такие памятники появились практически в каждом крупном поселке к востоку от «железного занавеса». Некоторые из этих реликвий советской иконографии до сих пор встречаются в городах бывшего Советского Союза и бывшего социалистического блока. С поразительной частотой местное, часто русскоязычное, население любовно называет эти памятники «Алёша». После распада Советского Союза большая часть социалистических памятников на всем постсоветском пространстве была перенесена или снесена новыми властями, что рассматривалось в качестве освободительного акта. Падение икон отжившего Старого Порядка всегда служит показателем начала нового периода и символом того, что старые правители и их режимы повержены разгневанной толпой, неодолимой силой либо наиболее демократически легитимированным на этот момент правительством.

Множество памятников «Алёше» было снесено после распада Советского Союза, вследствие изменившейся политической ситуации в Центральной и Восточной Европе. Широко известен наиболее конфликтный прецедент в столице Эстонии Таллине. Памятники «Алёше» по сей день существуют в Резекне (Латвия), в Серхетабаде (Туркменистан), в Харькове, Сумах и Кривом Роге (Украина), в Софии,

Пловдиве, Русе и Бургасе (Болгария) и даже в столице Германии Берлине (советский военный мемориал в Трептов-парке), в столице Австрии Вене и в норвежском городке Киркенес. Кроме того, памятники «Алёше» до сих пор стоят в многочисленных больших и малых городах и поселках Российской Федерации, таких как Мурманск, Североморск, Красноярск, Нижневартовск, Орел, Челябинск, Новосибирск, Ставрополь и Косая Гора. Только в одной относительно небольшой и малонаселенной Курганской области на Урале насчитывается не менее 816 мемориалов и памятников, посвященных Великой Отечественной войне, включая, по меньшей мере, 110 солдатских памятников (некоторые из них местное население также называет «Алёша»).

В настоящей работе рассматриваются памятники «Алёша» лишь в Таллине, Вене и Пловдиве. Само существование этих памятников, их исторический смысл и разные политические интерпретации неоднократно служили причиной бурных общественных дискуссий в Эстонии, Австрии и Болгарии. Основной акцент в статье будет сделан на историческом воздействии памятников на процессы в соответствующих сообществах, а также на исторических и политических подходах, осуществляемых национальными правительствами в этих странах в отношении их советского наследия.

«Алёша» в Таллине — освободитель или оккупант?

С первых дней обретения Эстонией независимости в 1991 г. присутствие в центре Таллина Бронзового Солдата — фигуры воина в форме Красной Армии — привело к поляризации мнений как общественности, так и политиков страны. Для многих представителей русскоязычного меньшинства, которое по-прежнему составляет почти 30% всего населения Эстонии, памятник является историческим и политическим символом величайшей важности. Поставленный советской администрацией в 1947 г. как «Монумент освободителям», памятник сохраняет свое значение в качестве места памяти и символа завоеванной большой кровью победы Советского Союза

⁷ Winter J. Remembering War. The Great War between Memory and History in the Twentieth Century. New Haven; London, 2006. P. 136.

⁸ Представлены результаты проведенного автором количественного анализа веб-сайта Обелиски нашей памяти (проект Министерства культуры Курганской области), на котором систематизированы данные по мемориальным комплексам, посвященным Великой Отечественной войне в регионе. URL: <http://memory45.ru/> (дата обращения: 1.06.2014).

(и его правопреемницы Российской Федерации) над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Таким образом, мемориал «Алёша» в качестве важного *lieu de mémoire* обладает высокой ценностью с точки зрения общей памяти и культурной идентичности для русских не только в Таллине, но и по всей Эстонии и за ее пределами. Однако значительной частью этнических эстонцев, которые составляют большинство населения республики, памятник воспринимается как символ советской оккупации страны в период с 1940 по 1991 гг. (исключая период немецкой оккупации в 1941–1944 гг.) и связанных с этим депортаций и иных репрессий. Таким образом, разделение эстонского общества на защитников и противников памятника основано преимущественно на их этнической принадлежности и соответствующей исторической интерпретации значения Бронзового Солдата как освободителя или как оккупанта. Такой интерпретационный дуализм является центральным вопросом практически для всех постсоветских стран, за исключением Российской Федерации.

Этнические русские, независимо от их российского или эстонского гражданства, собираясь возле памятника в центре Таллина по случаю бывших советских праздников, принося к нему российские и советские флаги и исполняя советские песни, все чаще стали использовать монумент как место памяти, наполняя его при этом неким «имперским» смыслом. Поскольку эстонцы считают свою нацию заложницей советского режима, а также царской и современной России, эта постоянная «реконструкция» российской и советской оккупации, особенно 9 мая (в День Победы) и 22 сентября (в День «освобождения» Таллина), значительно «подпортила» восприятие памятника большинством эстонцев. В частности, праздничные мероприятия в Таллине по случаю Дня Победы над нацистской Германией, проходившие около «спорного» памятника в центре города и собиравшие преимущественно членов русскоязычной общины, представителей посольства Российской Федерации, пророссийских организаций и ветеранов Красной Армии, долгое время служили яблоком раздора. В то время как русскоязычное меньшинство вспоминало свои трагические потери и торжественно праздновало победу, многие эстонцы воспринимали это празднование как насмешку в контексте

той несправедливости, которая была совершена по отношению к ним: по их мнению, памятник вызывал воспоминания о страданиях эстонского народа в эпоху правления царской России и Советского Союза.

После многочисленных дискуссий между представителями соперничающих «сообществ памяти» был организован в 2006 г. ночной дозор из сторонников монумента (преимущественно русских по происхождению) для защиты их «Алёши» от вандализма или даже от организованного властями переноса. В ответ, особенно со стороны националистически ориентированных сил, в стране зазвучали требования о сносе, удалении или даже взрыве ненавистной реликвии советского режима. В начале предвыборной кампании в парламент Эстонии летом 2006 г. премьер-министр Андрус Ансип заявил, ко всеобщему удивлению, что монумент следует убрать, так как он трансформировался из памятника жертвам войны в символ советской оккупации, направленный против независимой Эстонской республики.

Премьер-министр Эстонии, который вплоть до этого заявления был сторонником сохранения памятника на его первоначальном месте, и его либерально-консервативная Партия Реформ выиграли выборы в марте 2007 г. и сформировали коалицию с только что учрежденной правой консервативной партией «Союз Отечества и Res Publica» (Isamaa ja Res Publica Liit). 26 апреля 2007 г. вновь избранное правительство Эстонии начало процесс эксгумации останков советских солдат, которые были похоронены около мемориала. После последовавшей за этим первой ночи массовых беспорядков в центре Таллина правительство приняло решение немедленно перенести советский памятник на расположенное поблизости военное кладбище. 27 апреля город вновь стал свидетелем кровавых столкновений между протестующими, преимущественно представителями этнических русских, и эстонской полицией. В течение двух ночей сотни людей громили центр Таллина, при этом около 1 200 человек было арестовано, более 150 получили травмы и один человек был убит.⁹

Парламентские выборы 2011 г. подтвердили союз двух правых партий и укрепили доминирующее положение националистически-

⁹ См.: Münch F. Diskriminierung durch Geschichte? Der Deutungsstreit um den „Bronzenen Soldaten“ im postsowjetischen Estland. Marburg, 2008.

ориентированных сил, постоянно использующих свое привилегированное положение в вопросе интерпретации прошлого и выступающих в роли традиционных защитников интересов нации. Таким образом, формирование особой этнически-ориентированной эстонской памяти получает поддержку в виде объединяющей национальной идеи, основанной на тезисах о героизме, виктимности и мученичестве. Неэстонская треть населения с преимущественно русскими корнями исключена из этого процесса обсуждения национальной идеи и становления национальной историографии, в результате чего общество остается разделенным. Применительно к историко-политической повестке дня эстонского правительства перенос памятника «Алёша» в Таллине сыграл ключевую роль.

Таким образом, монумент советскому солдату в Таллине служил уникальным выразителем взгляда русского населения города и всей Страны Советов на историческое прошлое. Но одновременно он был — и все еще остается — своеобразным инструментом Москвы в борьбе как за политическое влияние, так и за право интерпретации «общей» истории. После обретения Эстонией независимости в 1991 г. «Алёша» в Таллине служил инструментом обозначения той территории, которая провозглашалась Кремлем российской собственностью в так называемом «ближнем зарубежье». В рамках этих устремлений общее понимание прошлого внутри этнической русской общины стало основой для политической повестки дня настоящего, а, следовательно, и наиболее значимым и определяющим фактором для будущего русского меньшинства в той стране, которую они считали своей родиной на протяжении десятилетий советского правления. На сегодняшний день в облике эстонской столицы еще осталось множество видимых следов советского периода. Памятник был наиболее мощным и, как тогда казалось, непоколебимым символом советского притязания на право власти в Эстонии. Многие этнические русские и сегодня видят «свою» Эстонию по-прежнему входящей в широкую сферу влияния России. В этом отношении памятник служит важным символом, напоминающим им о величии и единстве бывшего Советского Союза. Он, таким образом, выражает явное стремление к преобладанию, что было, и по-прежнему остается, неотъемлемой частью советской и российской «имперско-

сти». Сегодня эту позицию разделяет российское руководство, которое поддерживает политические амбиции русского меньшинства в Эстонии. В ходе парламентских выборов 2007 и 2011 гг. Кремль открыто поддерживал пророссийского кандидата Эдгара Сависаара и его Центристскую партию Эстонии (*Eesti Keskerakond*), одну из наиболее влиятельных оппозиционных партий последних лет.

Обе конфликтующие партии, обе *entrepreneurs de mémoire* все еще ведут временами ожесточенные споры по вопросу интерпретации истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. «Алёша» в Таллине по-прежнему остается символом советско-русской исторической идеи, эстонцы же доказали, что сегодня они хозяева в своем собственном доме — Эстонии. Таким образом, поскольку для большинства русских и эстонцев в эстонском национально-историческом контексте общим является лишь их царское и советское прошлое, которое нередко воспринимается как история «угнетателя и угнетенного», «злодея и героя», «хозяина и слуги», им трудно найти позитивную общую память или общую историю, нацеленную на создание жизнеспособного инклюзивного общества, имеющего мультиэтническое будущее.

Советское подтверждение мифа о национальной жертве — «Алёша» в Вене

Существенно менее противоречивой и бурной выглядит история мемориала «Алёша» в столице Австрии Вене. Памятник представляет собой двенадцатиметровую бронзовую скульптуру солдата, установленную на 20-метровой колонне. Солдат представлен в полном боевом облачении с флагом в правой руке и золотым щитом в форме герба Советского Союза — в левой, на груди у него висит автомат. Статуя обрамлена полукруглой колоннадой из 26 колонн. Как и в случае с «Монументом освободителям» в Таллине, павшие солдаты Красной Армии были похоронены перед этим мемориалом, хотя позже, в 1955 г., их тела были эксгумированы и перенесены на Центральное кладбище Вены.

Этот советский памятник, посвященный победе в Великой Отечественной войне, был открыт уже в августе 1945 г. и получил широкое признание, по крайней мере, на уровне официальных заявлений австрийских политиков всех партий. В это время была сформулирована и начала распространяться идея о

том, что Австрия была «первой жертвой нацистов», и венский мемориал должен был подтверждать подобную роль страны в период национал-социализма: то, что часто воспринималось как поражение 1945 г., теперь должно было получить новую положительную интерпретацию. В отличие от ситуации в Прибалтийских странах, частичная советская оккупация Австрии, как и Германии, была не столь пагубной и продолжалась лишь до подписания Австрийского государственного договора 1955 г., поэтому советская риторика об «освобождении Австрии» в ретроспективе не воспринималась населением страны как циничная и провокационная, но, напротив, представлялась обнадеживающей и вселяющей веру. Подобная трактовка истории нашла отражение, в частности, в речи лидера Австрийской народной партии (ставшего впоследствии канцлером) Леопольда Фигля, который на церемонии открытия памятника заявил: «В течение семи лет... австрийский народ томился под варварским гитлеровским режимом..., когда жестокий террор и насилие принуждали людей к слепому подчинению».¹⁰ Сам памятник также указывал на роль Австрии в качестве жертвы и демонстрировал четкое различие между ней и Германией. Золотые русские буквы на колоннаде гласят: «Вечная слава героям Красной Армии, павшим в борьбе против фашистских немецких оккупантов — за свободу и независимость народов Европы».

Дважды, в 1947 и 1962 гг., предпринимались и были предотвращены попытки неофашистских групп взорвать памятник. Более того, присутствие Советского Солдата, часто называемого выходцами из Центральной и Восточной Европы «Алешей», в Вене редко вызывало вопросы и во времена «холодной войны»; уровень беспокойства и озабоченности был для этого просто слишком низким. После падения Советского Союза стали появляться некие планы по сносу памятника, особенно в рядах популистской правой Австрийской партии свободы (АПС) Йорга Хайдера. АПС хотела избавиться от воспоминаний о бывших оккупационных державах, часто называя памятник напоминанием о «периоде оккупации Австрии с 1938 по 1955 гг.» и тем самым поддерживая утверждение о релятивистском

равенстве ролей нацизма и советского коммунизма в истории Австрии. Однако Статья 19 Государственного договора 1955 г. между Австрией и четырьмя державами-победительницами требовала уважения, защиты и охраны памятников армий, боровшихся на австрийской территории против гитлеровской Германии. Из-за этих и иных обязательств Австрии консервативные австрийские политики приложили довольно серьезные усилия к тому, чтобы не признавать Российскую Федерацию в качестве правопреемницы СССР и прекратить исполнение обязательств по договорам между Веной и Москвой. Лишь после вступления Австрии в Европейский Союз в 1995 г. и последующей выработки общей внешней политики в рамках законодательства ЕС Вена была вынуждена признать государственное правопреемство СССР — России. Тем самым она подтвердила оспариваемую ранее действительность Австрийского государственного договора с Россией, к концу 1990-х гг. споры вокруг венского «Монумента Освобождения» постепенно утихли, а сейчас практически прекратились. «Алеша», очевидно, принимается широкими слоями населения Вены как монументальное напоминание о Второй мировой войне.

*«Первый Алёша» в Пловдиве:
победа и дружба в граните и в песне*

Первым памятником советскому солдату по имени Алёша в социалистическом лагере был «Памятник солдату-освободителю» в болгарском городе Пловдиве. Монумент был воздвигнут на горе на окраине города. Десятиметровая гранитная статуя представляет советского солдата в форме, плащ-палатке и пилотке, с автоматом в руке. Пятиметровый постамент украшает надпись «Слава непобедимой Советской Армии-Освободительнице» и барельефы, изображающие военные сцены.

Еще до официального открытия накануне 40-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1957 г. памятник получил широкую известность по всей Болгарии благодаря коммунистической прессе и радио. Когда в 1962 г. российский композитор Эдуард Колмановский посетил Пловдив, большое впечатление на него произвели как сам памятник, так и его история. Композитору рассказали о том, что статуя была изготовлена по фотографии простого русского солдата Алексея Скурлатова, принимавшего участие в боях за освобождение Болгарии от немецких войск в 1944 г. Несколько лет

¹⁰ Цит по: Hannes L., Moritz V. 1945. Planung, Bau und Einweihung des Russendenkmals // Das Wiener Russendenkmal. Architektur, Geschichte, Konflikte. Vienna, 2005. P. 19.

спустя эта история вдохновила Колмановского и поэта Константина Ваншенкина на написание песни «Алёша» о памятнике в Пловдиве:¹¹

Белеет ли в поле пороша, пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша, Алеша, Алеша,
Стоит над горою Алеша, в Болгарии русский солдат...

В ходе создания памятника он был уже идеологически заряжен идеей о самоотверженной борьбе советских солдат за свободу болгарского народа, что должно было способствовать дружбе между Советским Союзом и Болгарией. Политический контекст памятника был дополнен музыкальным рассказом о его истории. В 1966 г. текст и ноты песни «Алёша» были опубликованы в советском армейском журнале «Старшина-сержант»,¹² официальном печатном органе Министерства обороны СССР. В 1968 г. песня была представлена на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии, что способствовало ее популяризации. В 1970-х гг. песня о подвиге храброго русского солдата, отдавшего жизнь за освобождение Болгарии, стала чрезвычайно популярной на всей территории влияния СССР. Она была включена в программу начальной школы в Болгарии, исполнялась на массовых мероприятиях Коммунистической партии Болгарии и стала официальным гимном города Пловдива.¹³ Благодаря ее популярности люди во всех странах социалистического лагеря, независимо друг от друга, начали называть свои местные памятники советским солдатам «Алёшами». Песня по-прежнему хорошо известна на постсоветском пространстве; в России же она, к примеру, приводится в академических текстах о Великой Отечественной войне.¹⁴

После распада Советского Союза в обществе и политических кругах начали появляться призывы к сносу «первого Алёши» в Пловдиве. Дело в том, что роль Красной Армии как освободительницы Болгарии стала подвергаться сомнению, поскольку страна не была оккупирована немецкими войсками и не сотрудничала с

Германией в качестве ее марионетки подобно коллаборационистскому правительству Виши. В ходе многочисленных дискуссий о судьбе «первого Алёши» накануне 50-летней годовщины памятника в 2007 г. ветераны Красной Армии в Болгарии пригрозили самосожжением в случае сноса памятника. Как и в Таллине, памятник постоянно охранялся его сторонниками. Наконец Верховный Суд Болгарии вынес постановление, отвергавшее перенос памятника. После кровавых беспорядков в Эстонии тогдашний премьер-министр Болгарии, председатель Социалистической партии Сергей Станишев во время визита в Москву заверил своих коллег в том, что никто в Болгарии никогда не осмелится прикоснуться к советскому памятнику в Пловдиве. Таким образом, дискуссии, идущие в Болгарии вокруг «Алёши», освобождения или оккупации, сотрудничества с гитлеровской Германией, представляют собой «гибрид» между спорами в Эстонии и Австрии.¹⁵

От Вены до Владивостока люди знают «Неизвестного солдата»

Даже спустя более 20 лет после распада Советского Союза памятники «Алёше» остаются частью коллективной памяти народа на пространстве от Вены до Владивостока, катализатором для которой являются непрекращающиеся политические споры вокруг них. Как сторонники, так и противники советского наследия постоянно используют памятники в своей политической практике.

Несколько лет назад в украинском городе Харькове также предпринимались попытки сноса памятника советскому солдату, поставленного в 1981 г. В качестве аргумента в пользу сноса приводился факт отсутствия в свое время надлежащего разрешения от советской администрации на воздвижение памятника. Тем не менее, в 2009 г. памятник был восстановлен при поддержке Партии регионов и по сей день остается популярным среди представителей многочисленной общины этнических русских. Многие в Харькове называют памятник «Алёша», в то время как другие склоняются в пользу местного колорита и именуют его «Павлуша» по названию района, в котором стоит памятник, — Павлово поле.

Памятник по имени «Алёша» в сибирском городе Нижневартовске имеет совсем иную

¹¹ См.: Пьянич М. Ваншенкин Константин Яковлевич // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги. М., 2005. Т. 1. С. 332.

¹² Старшина-сержант. 1966. № 2. С. 7–9.

¹³ См.: Тепляков С. Болгарский Алёша живет на Алтае. URL: <http://www.izvestia.ru/news/323849> (дата обращения: 14.03.2013).

¹⁴ Дамаскин И., Кошель П., Никифоров Ю. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. для школьников. М., 2005. С. 404.

¹⁵ См.: Daskalov R. Debating the Past. Modern Bulgarian History. From Stambolov to Zhivkov. Budapest; New York, 2011. P. 145–210.

историю. В 1978 г. была установлена двенадцатиметровая фигура рабочего в шахтерском снаряжении с тяжелым молотком и чашей с вечным огнем в поднятой руке; надпись на памятнике гласит «Покорителям Самоглора». В Советском Союзе Самоглор был крупнейшим месторождением нефти. Имя «Алёша», указывающее на победу в Великой Отечественной войне, было, таким образом, перенесено на достижения рабочих масс; более чем за 3 000 км к востоку от мест военных действий был построен гражданский мемориал в честь рабочего человека.

В восприятии многих людей и политиков в Центральной и Восточной Европе интерпретация солдата-красноармейца изменилась после падения Советского Союза: он стал восприниматься не как освободитель, а как оккупант. Сегодня немногими странами, где коллективная память не претерпела изменений, являются Россия и, как ни удивительно, Норвегия. В норвежском Киркенесе, небольшом промышленном поселке недалеко от российской границы, памятник солдату-красноармейцу был установлен в 1952 г. как дань памяти жертвам, принесенным Красной Армией в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции между 15 и 25 октября 1944 г., когда часть округа Финнмарк на северо-востоке Норвегии была освобождена от нацистских оккупантов. После того как победоносная Красная Армия покинула Норвегию 25 сентября 1945 г., возведение совместного советско-норвежского «Алёши» уже было запланировано. Однако отношения между Норвегией и Советским Союзом изменились с наступлением «холодной войны» и интеграцией Норвегии в блок НАТО. Памятник все же открыли с некоторым запозданием — в 1952 г., и он претерпел радикальную трансформацию: размеры памятника, в отличие от планируемых ранее, стали значительно скромнее (высота его уменьшилась с 13 м до 5,6 м), и установлен он был отнюдь не в центре города, как договаривались ранее. Кроме того, было внесено одно крайне существенное изменение: на гипсовой модели советский солдат попирает немецкого орла,¹⁶ теперь же орла убрали. Советская пресса обвиняла норвежское правительство в том, что оно настояло на изменениях.¹⁷

После распада Советского Союза граждане России получили возможность пересекать ранее непроницаемую границу — единственную границу между страной-членом НАТО и РСФСР. Они начали называть норвежский *Russemonumentet* «Алёшей». Сегодня русская и норвежская общины Киркенеса вместе отмечают День Победы и другие советские/русские праздники у этого памятника. Это делает Норвегию единственной европейской страной, где советская идея об «освобождении Европы» от нацизма не оспаривается. Это происходит потому, что Красная Армия, войдя в страну, не осталась там надолго.

«Алёша» как воплощение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне по-прежнему остается, по крайней мере в Центральной и Восточной Европе, популярным советским символом, даже более чем через 20 лет после краха коммунизма. За пределами Российской Федерации жизнеспособность этого символа часто поддерживается русскими, проживающими за рубежом, ветеранами Красной Армии, политиками, придерживающимися социалистических взглядов, сторонниками Страны Советов и всеми, кто испытывает ностальгию по советским временам. Растущая популярность таких положительно выраженных исторических мифов не в последнюю очередь обязана политике российского руководства в отношении истории, а также присущему этой политике переносу историко-коммунистических систем классификации прошлого на российскую и постсоветскую реальность XXI в.

Песня «Алёша» и памятник русскому герою войны посвящены погибшим советским солдатам. Сегодня по-прежнему жива память о героях. Прототип памятника — разведчик Алексей Скурлатов (9.08.1922–3.11.2013) после войны жил в селе Налобиха Алтайского края. В 2010 г. президент Болгарии наградил ветерана медалью в честь «65-летия победы над фашизмом». Имя «Алёша» продолжает придавать советским памятникам «Освободителям» и «Неизвестному солдату» человеческое лицо и способствует закреплению мифа в повседневной жизни людей на современном постсоветском пространстве.

¹⁶ Ср. советский военный мемориал в Трептов-парке в Восточном Берлине, изображающий советского солдата со спасенным ребенком на руках, и попирающего поверженную свастику.

¹⁷ См.: Aas S. Norwegian and Soviet/Russian World War II Memory Policy During the Cold War and the Post-Soviet Years // *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*. 2012. № 2. P. 225–227.

Felix Münch

Ph.D. Candidate, Graduate Centre for the Study of Culture, Lecturer, Institute for Political Science, Justus Liebig University (Germany, Giessen)
E-mail: felix.muench@sowi.uni-giessen.de

“ALYOSHA” SOVIET SOLDIER MONUMENTS IN THE POST-COMMUNIST SPACE

After the end of World War II in 1945, statues of Soviet soldiers were erected throughout the entire area of influence of the Soviet Union as a reminder of the heroic deeds of the Red Army in liberation of Europe from the Third Reich. After the fall of the Soviet Union, the newly independent states in Central and Eastern Europe re-interpreted the historical narrative of “Liberation of Europe” and added the topic of suffering and loss under the Soviet occupation during and after WWII to their national historiographies, therewith challenging both the former Soviet interpretation of the 20th century history and the Russian interpretation of the past.

Quite often the local population called these monuments to the dead Soviet soldiers “Alyosha”. The author suggested that this phenomenon was associated with a popular Soviet song of the 1960s. The author of the article focused on three “Alyosha” monuments in Tallinn, Vienna, and Plovdiv and analyzed the differences and controversies in their perception. The article's main accent was the study of the different policies of the national governments with regard to the interpretation of history and the perception of the communist legacy after the break up of the Soviet Union.

Key words: *Soviet war memorials, The Great Patriotic War, post-communist space, collective memory, identity*

REFERENCES

- Aas S. *Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 2012, № 2, pp. 226–239. (in English).
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991, 224 p. (in English).
- Available at: URL: <http://memory45.ru/> (accessed June 1 2014). (in Russ.).
- Cohen W. *Comparative Studies in Society and History*, 1989, № 495, pp. 491–513. (in English).
- Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. (in English).
- Damaskin I., Koshel P., Nikiforov Yu. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945: entsiklopediya dlya shkolnikov* [Great Patriotic War 1941–1945. Encyclopedia for students]. Moscow: Olma-Press Publ., 2005, 404 p. (in Russ.).
- Daskalov R. *Debating the Past. Modern Bulgarian History. From Stambolov to Zhivkov*. Budapest; New York, 2011: Central European University Press, 376 p. (in English).
- Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1992, 254 p. (in English).
- Hannes L., Moritz V. *Das Wiener Russendenkmal. Architektur, Geschichte, Konflikte*. [The Viener Russian monument. Architecture, history, conflicts]. Vienna: Turia+Kant, 2005, pp. 15–20. (in German).
- Münch F. *Diskriminierung durch Geschichte? Der Deutungsstreit um den “Bronzenen Soldaten“ im postsowjetischen Estland*. [Disrimination through history? The intpretation dispute over the “Bronze Soldier” in the Post-Soviet Estonia]. Marburg: Tectum, 2008, 145 p. (in German).
- Nora P. *Representations*, 1989, № 29, pp. 7–25. (in English).
- Olick J. *The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007, 240 p. (in English).
- Pyanich M. *Russkaya literatura XX veka: prozaiki, poety, dramaturgi* [Russian Literature of the 20th century. Writers, poets, dramatists]. Moscow: Olma-Press Publ., 2005, Vol. 1, p. 332. (in Russ.).
- Teplyakov S. Available at: URL: <http://www.izvestia.ru/news/323849> (accessed March 14 2014). (in Russ.).
- Winter J. *Remembering War. The Great War between Memory and History in the Twentieth Century*. New Haven; London: Yale University Press, 2006, 351 p. (in English).

Памятник Неизвестному солдату. Открыт в 1957 г. в городе Пловдив, Болгария.
Скульпторы В. Радославов, Н. Марангозов, А. Занков,
И. Цветанов, И. Топалов, Б. Марков, Г. Коцав